

УДК 398.1 + 8.223 + 398.224 + 398.87 + 394.912

Н. А Березиков, А. А. Люцидарская

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

warumbaum@gmail.com

СПОНТАННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ XVII ВЕКА *

Царская власть с самого начала освоения сибирской территории пыталась поставить под контроль агрессивные формы поведения среди переселенцев и привести их в соответствие с нормами Московского государства. Однако достижение этой цели натолкнулось на ряд препятствий, связанных с отдаленностью Сибирского региона. Острая нехватка людских ресурсов оправдывала попустительство в сфере исполнения наказаний. Изучены документы, относящиеся к западным и центральным регионам Сибири. В исследовании отражены процессы, имевшие место в городских сообществах переселенцев и их взаимоотношениях с властью и друг с другом, а также причины и подоплека неконтролируемых эмоциональных взрывов. Адаптация к местным сибирским климатическим условиям, военная угроза, неустроенный быт и проблемы снабжения сказывались на психологическом состоянии новопоселенцев. Постоянный стресс приводил к фрустрациям. Обращается внимание на конфликты в контексте таких проблем, как взаимодействие с аборигенным окружением, психологическое давление и стресс от приграничных военных стычек, традиции употребления алкогольных напитков.

Ключевые слова: Сибирь, XVII век, первопоселенцы, казачество, служилые люди, антропология конфликта, социальная психология.

На протяжении двух веков продолжался процесс установления на территории Сибири русской государственности, норм и правил, узаконенных царской властью и выработанных народной традицией, приемлемых для православных канонов. Соответствующие светские и церковные структуры следили за исполнением и регулированием норм поведения людей. Но в Сибири в XVI–XVII вв. власти на новых территориях были не в состоянии в полной мере отслеживать проявления агрессивности, возникающей среди русских новопоселенцев. В связи с этим важно показать, каким реально был психологический климат в этих сообществах и

чем объяснялись спонтанные, неконтролируемые действия по отношению к окружающим на протяжении периода первоначального освоения Сибири.

В первой половине XVII столетия жизнь первопоселенцев во всех регионах Сибири протекала в окружении коренного населения края. В его составе были мирно настроенные плательщики ясака, принявшие под давлением обстоятельств царское подданство, но существовали и отдельные группы, в основном члены родоплеменных военно-потестарных объединений, не согласные мириться с пришедшей московской властью. Военные конфликты с ними приводили к

* Исследование проведено в рамках Интеграционного проекта СО РАН (№ 87).

тому, что некоторые выплески агрессивных эмоций в среде русского населения колонистов было проще и удобнее приписать стычкам с «немирными» иноземцами.

Именно так случилось в 1645 г. в Мургинской слободе Тюменского уезда. Драка, произошедшая среди местных крестьян и гулящих людей, была выдана поначалу за «нечаянный» приход «калмацких людей». Позже выяснилось, что «гулящие люди и крестьяне бились на кулаки и подрались» [Миллер, 1941. С. 510]. Не удалось выяснить причину этой стычки, но, судя по тексту документа, она не представляла интереса для властей, что свидетельствует об ординарности такого события. Представленные сведения о драке обращают на себя внимание именно отношением местных властей к произошедшему инциденту.

Любопытно, что в драке участвовали крестьяне – наиболее бесконфликтная, но социально организованная часть сибирского сообщества. Гулящие же люди, напротив, являлись самым социально неорганизованным слоем населения Московского государства. Представители этой категории переселенцев использовались на вспомогательных работах, охраняли грузы при перевозке, выполняли случайные поденные работы. Человек XVII в., позиционировавший себя как «гулящий», зачастую не имел постоянного места жительства, а значит, не состоял прихожанином определенной церкви, что было весьма существенно для православной России. Соответственно, поведение этих людей мало поддавалось контролю и регламентации со стороны общества и государства.

Спонтанные проявления агрессии чаще всего были напрямую связаны с пьянством или наркотическим воздействием специфических растений. Обыденным оправданием неадекватных, греховных поступков служили формулировки «спьяну» либо «кореньем объелся». Как правило, агрессивные действия чаще всего проявлялись в праздничные дни, свободные от привычных забот и обязанностей. Это были дни выхода из обычного, привычного будничного ритма. Церковных праздников было множество, кроме этого, существовали причины «расслабиться» по различным семейным поводам. В Верхотурском документе 1706 г. констатировалось, что к семейным торжествам заранее готовили спиртное: «...А кому случиться к родинам, или именинам пива наварить или

браги...» [Памятники..., 1882. С. 277]. Пиво и брагу повсеместно варили в домашних условиях, кроме того, с конца XVI столетия в сибирских городах существовали заведения, где торговали спиртными напитками. «Кружечные дворы» и кабаки облагались налогом и приносили существенный вклад в казну. Наряду с кружечными дворами вводились в строй винокурни, сначала в Западной Сибири, позднее – в восточных регионах [Раев, 2005. С. 123–125]. Спиртное подогревало агрессивные настроения среди сибирского населения, живущего в сложной внутривластной и бытовой обстановке.

Вызванная хмельным питьем агрессия нередко заканчивалась трагически. Так, в Верхотурье в 1637–1638 гг. расследовалось убийство подьячего съезжей избы Г. Зорина, который пострадал от руки откупщика площадного письма С. Сутанова. Убийца оправдывался, говоря, что «...убил де он подьячего... неумышленною статьею, в хмелю подрався»¹.

Под «горячие руки» дерущихся попадались порой ни в чем не повинные родственники. В феврале 1684 г. на Чичуйском воле в ходе пьяной ссоры в избе Олег Евфимов зарезал своего сводного брата Ивана Анисимова, а мать, пытавшуюся их разнять, «толкнул и окосматил, и за волосы... таскал». На следствии О. Евфимов полностью признал свою вину, а в оправдание сказал, что сделал это «ни по чьему наущению; учинилось у нас с ним с пьянства о делу розсчет» [ДАИ, 1869. С. 27]. «Пьянским обычаем» объяснил свой поступок чичуйский казак Иван Соколов, пришедший поздним зимним вечером 1684 г. к пушкарю Филиппу Вячеслову на «пир» и учинивший драку с его женой Маврицей, которая не хотела впускать в дом пьяного казака. «И он де, Ивашко, учал ее бить и нос до крови у ней розшиб, и ухватя де нож у себя из ножней и метался на нее с ножом; и он де, Микитка, не доуща до нее, Маврицы, его, Ивашка, вывертел де нож у него, Ивана, из рук, и у него де Микитки тем ножом изрезаны руки» [Там же. С. 36].

Типичный пример пьяной застольной драки представлен документальным материалом из Пелыма начала 70-х гг. XVII в. Дело произошло в гостях у местного попа.

¹ РГАДА. СП. Оп. 3. Стб. 911. Л. 215.

За столом собрались случайные люди: ехавший с Верхотурья стрелец с государевыми грамотами Митька Ворошилов, хозяин дома, священнослужитель, и зашедшие пьяные вогулы (Техтерка Перментаев с детьми и товарищами в количестве 7 человек). Вогулы затеяли со стрельцом спор и брань о подводах, которые, вероятно, были взяты у вогульского населения для нужд Митьки Ворошилова. Претензии закончились дракой. Непрошенные гости стали «...через стол доставать, за волосы драть... и Митька ухватя церковный ключ ударил Техтерку в голову»². Надо полагать, что увечье привело к смерти, если разбирательство достигло Московских властей. Особое внимание обусловлено тем, что пострадавший был ясачным налогоплательщиком, а жизнь каждого ясачного старались сохранять.

По вполне понятным причинам агрессивные настроения, как уже отмечалось, наиболее часто проявлялись в праздничные дни. В Кузнецком остроге в 1672 г. на Пасху произошел инцидент, нашедший отражение в документальном материале. Источник сообщает об извете конного казака Никиты Лобка, что «апреля в 7 день в Светлое Христово Воскресенье, пеший казак Макарка Бородкин с братом своим Ивашкою приезжал к нему, Никитке, ко двору, и вынимал наголо татарский нож, хваляся... на него и на жену его и на детей смертным убийством... и бранил его Никитку и жену его матерною и всякою непотребною лаею». В этот праздничный день на городских улицах, по видимому, было многолюдно, поскольку свидетелей разыгравшегося действия оказалось немало, причем в этническом отношении они были разнородны: русские, бухарцы, крещенные аборигены, выходец из Восточной Европы. Когда новокрещен Биченко отвел разбушевавшихся братьев от двора Никиты, они с кольями наперевес начали ходить по улицам, выкрикивая угрозы. По окончании праздничных дней зачинщик инцидента «Макарка... поговоря со своим противником, не ходя в суд помирились» [Исторические акты..., 1897. С. 43–44].

Данный незначительный бытовой эпизод помимо выражения агрессии, явно спровоцированной «праздничным загулом», интересен составом присутствующих свидетелей, втянутых в происходящее. В небольшом сибир-

ском городе, каким являлся Кузнецкий острог, на улице во время православного праздника оказались люди самой разной этнической принадлежности и культурной ориентации. Причем новокрещен взял на себя роль «усмирителя».

В начале 1640-х гг. в Сибирский приказ пришло известие из Красноярска о том, что служилый человек Иван Халдей убил пятидесятника. Началось разбирательство, в ходе которого стала очевидна спонтанность этого действия. Ситуация складывалась следующим образом: красноярские служилые люди делили между собой казенный свинец. При этом действии было совершено убийство. Обвиненный в происшествии оправдывался так: «...И я де взял палицу дровотную, а Захар стал ту палицу у меня отнимать и я де ему не стал давать и он Захарка меня Ивашка стегнул ремнем безменным и я де тот ремень у него выхватил и тем де безменом его Захарка ударил в голову и он де Захарка немного полежал и умер...»³. Обвиняемый настаивал на непреднамеренном, случайном убийстве, и следствие с ним согласилось. В данном случае имеет место попытка «настоять на своем», своеобразным образом самоутвердиться. Согласно мнению многих психологов, проводящих исследования в этой области, агрессия берет начало в стимулах экзогенной природы. Не случайно возникновение агрессии зачастую приписывается влиянию особых условий окружающей среды [Бэрн, Ричардсон, 2001. С. 46]. Эта точка зрения обоснованно согласуется с условиями Сибири XVII столетия, в которых оказались русские поселенцы. Вполне оправданно, что большое количество нарушений в служилой среде происходило в Красноярске, перманентно подвергавшемся нападениям со стороны кыргызов, иногда выступавших вместе с джунгарами.

В этот же период из Красноярска поступили сведения о драке служилых людей прямо в административном помещении: «...В съезжей избе служилые люди меж собой подрались и друг друга резали»⁴. Этот эпизод свидетельствует не только о свободе нравов красноярских казаков, но и их отношении к власти. В съезжей избе висели образа православных святых, находилась документация и ценные для того времени

² РГАДА. СП. Оп. 3. Стб. 731. Л. 195.

³ Там же. Стб. 136. Л. 806.

⁴ Там же. Л. 742.

вещи, но это не смутило разгоряченных казаков. Они начинали жить своим собственным миром, теряя при этом традиционные ценностные ориентиры. Не случайно наиболее ярко окрашенные выступления против воеводской власти происходили именно в «вынужденно воинственном» Красноярске [Бахрушин, 1959. С. 65–84].

В условиях продолжающихся боевых действий и военной опасности драка среди служилых людей могла вспыхнуть из-за чего угодно. В осажденном манжурами Албазине летом 1685 г. собравшиеся передохнуть и попить кваса у атамана А. И. Бейтона казаки «учинили между собой... драку и квас выпустили и посуду приломали и сверх той драки Артюшка Толмач атамана ножом дернул не до смерти, ожил» [Паршин, 1844. С. 187].

Необходимо учитывать, что помимо служилых людей, переведенных в Сибирь правительственными мерами, среди населения было немало ссыльных не только по политическим, но и по уголовным делам. Ссылные начали поступать в отдельные регионы почти сразу после начала их освоения. Только в мае 1601 г. в Верхотурье привезли 9 колодников, среди которых оказались татарский голова, поп, литвин, стрельцы и др. [Верхотурские грамоты..., 1982. С. 99]. В Томске в 70-е гг. XVII в. среди ссыльных, поверстанных в казаки, отмечены: разбойник, костромитин сын боярский Левка Скрыцын; разбойник, Троицко-Сергиевского монастыря стрелецкий сын Золко Скоробогатый и пр. Кроме того, в документах XVII в. отмечено немало сосланных беглых крестьян из всех областей европейской части России⁵. Ссылка не являлась определяющим фактором для создания неуравновешенной, агрессивно настроенной среды колонистов, однако было бы неверно совершенно отрицать влияние ссыльных на психологический, эмоциональный климат, царивший в Сибири. Свидетельством тому является множество документов судного стола, например, города Томска. За период с 1658 по 1665 г. здесь осело около двухсот дел, включающих в себя жалобы, изветы, констатацию самых различных преступлений – от неуплаты долгов до убийств. К сожалению, большинство документации судного стола Томска (по иным городам

подобных сведений у автора нет) ограничены лишь обращением в судебную инстанцию и редко раскрывают суть дела. Однако уже сами жалобы колонистов самого различного социального статуса свидетельствуют о нежелании и невозможности договариваться и улаживать конфликты без вмешательства воеводской администрации. Это в определенной степени свидетельствует о существующей напряженности в сибирском сообществе. Среди фигурантов дел отмечены служилые люди, представители духовенства, торговцы, крестьяне, гулящие люди, ясачные и новокрещены, немало женщин⁶.

Более всего обращений (52) в судебный стол поступило по поводу оскорблений бранными словами, названными в документах «бесчестьем». Например, «...искал посадский человек Сенька Черков на пешим казаке Артюшке Логинове да на казачьих детях Агапитке Исакове да на Ивашке Абрамове бесчестья своего»⁷. Также достаточное количество (более 30) исков было предъявлено в связи с неуплатой долгов. Около 40 обращений в судебную инстанцию можно квалифицировать как жалобы по различным поводам. Побои и нанесение увечий тоже нашли отражение в документах судного стола. Однако их сравнительно немного (14). Столько же зафиксировано обвинений в курении табака и винокурении. В судном столе также фиксировались кражи, изъятия наркотических кореньев, обвинения в порче, отраве и «блудном деле»⁸.

Разрозненные материалы томского судного стола за 1658–1665 гг., несомненно, являются любопытным источником и дают представление о быте и «диалектике повседневности» переселенцев в Сибирь. Само обращение в судебные инстанции подводит к пониманию системы ценностных ориентиров того времени. Такие проявления агрессии, как брань, нанесение побоев, увечья и убийства, нарушали установленные законодательством и обществом нормы поведения. Непотребной брани, «матерному лаю» безрезультатно пытались противостоять сибирские власти. Воевода Г. Ф. Нарышкин предписывал в конце 80-х гг. «уличенных в матерной ругани наказывать – бить батогами и взимать штраф» [Вершинин, 1998.

⁶ Там же. Стб. 159. Л. 14–40.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же. Стб. 659. Л. 30–59.

⁵ РГАДА. СП. Оп. 3. Стб. 490. Л. 483.

С. 108–109]. Известно, что обращение к инвективной лексике в определенной степени снимает напряжение и предотвращает физическое применение силы. Однако же, с другой стороны, именно грубая брань могла провоцировать драки и иные неадекватные действия. Употребление ненормативной лексики воспринималось обществом как отклонение от христианских норм поведения, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы на унижения от бранных слов, рассматривавшиеся как «бесчестье».

Необходимо заметить, что само исследование судебных документов сибирского города XVII в. весьма проблематично, так как полученные сведения отрывочны и не поддаются статистической обработке. Кроме того, неясно, как существовал в Томске в этот период параллельно с воеводским судным столом церковный суд. Для населения Сибири воеводский суд был необходим вследствие затрудненности, а иногда и невозможности переноса дел в московские приказы. Вероятно, предъявлялось множество претензий к воеводскому судебному делопроизводству, но это не умаляет его значимости для людей XVII в. [Вершинин, 1998. С. 137].

Не всегда адекватное поведение первопоселенцев Сибири обуславливалось, помимо бытовых трудностей, связанных с адаптацией и угрозой со стороны «немирных» сибирских этносов, еще и попустительством местной администрации, остро нуждавшейся в людях. Нарушителям порядка грозили лишь батоги или, в худшем случае, отсылка в восточные города и остроги. Довольно часто в служилой среде применялась практика коллективной ответственности за дальнейшее поведение нарушителя спокойствия – его брали «на поруки» и следили за поведением. «Бить батоги и дать на поруку, чтоб ему впредь таких непригожих слов не говаривать...», – такова, например, была резолюция по делу служилого человека Федора Кузьмина из Кузнецка⁹.

В большинстве случаев агрессивные поступки в среде сибирских первопроходцев и старожилов совершались под действием фрустрации (в данном случае нарушение

ожиданий, обман, неудача). Сдерживающим фактором при агрессии могло служить неотвратимое своевременное жесткое наказание, чего в условиях Сибири трудно было ожидать.

Исследование архивных сибирских материалов XVII в. для выявления случаев поведения, которое не соответствовало требованиям принятых в обществе норм, приоткрывает путь к пониманию психологического климата, царившего среди пионеров-первопоселенцев, преобразователей новых территорий. Неконтролируемые агрессивные действия в их среде вполне вписываются в реальную обстановку в пространстве, перманентно заполняемом людьми различных социальных слоев с непохожими культурными традициями и ориентациями. Между тем при направляющей роли государственных структур колонисты сумели преобразить новые земли, наладить систему жизнеобеспечения и создать предпосылки для успешного поступательного развития Сибирского региона.

Список литературы

- Бахрушин С. В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 214 с.
- Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. 298 с.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. 204 с.
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. Т. 11. 312 с.
- Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1897. Вып. 2. 143 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 640 с.
- Памятники сибирской истории XVIII в. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882. Т. 1. 551 с.
- Паршин В. П.* Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 246 с.
- Раев Д. В.* Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: СовА, 2005. 273 с.

⁹ РГАДА. СП. Оп. 3. Стб. 136. Л. 728.

Список источников490. 524 л.; Стб. 659. 388 л.; Стб. 731. 636 л.;
Стб. 911. 422 л.

Российский государственный архив
древних актов (РГАДА). Сибирский приказ.
Оп. 3. Стб. 136. 971 л.; Стб. 159. 484 л.; Стб.

Материал поступил в редколлегию 29.08.2014

N. A. Berezikov, A. A. Lutsidarskaya

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

warumbaum@gmail.com

**RUSSIAN MIGRANTS IN XVII CENTURY SIBERIA:
UNCONTROLLED BEHAVIOUR IN STRESSFUL SITUATIONS**

Purpose. The article deals with the history of Russians settling in Siberia in the XVII century. So far, researchers have rarely mentioned social, ethnic and psychological aspects of the squatters' lives. This issue was considered only with reference to specific issues, e.g., ethnic relations between settlers and the indigenous inhabitants of Siberia. The aspect of their complex adaptation and the psychological climate within the squatter community has not been taken into account yet. Meanwhile, modern concepts and theories devoted to migrant communities call attention to a very important role which psychological mechanisms play in development of a community on new lands and in a new environment, and to the issue of overcoming challenges. The authors' intention is to restrict their analysis to spontaneous acts of aggression, mainly in everyday life, rather than review all the psychological factors in the life of Russian settlers in Siberia in the XVII century.

Results. Dozens of conflicts between squatters and the indigenous population have been analyzed based on the judicial and administrative records of local and central authorities (some of them can be found in the article as examples). Our analysis of the archival material gathered about western and central regions of Siberia has proved that the emotional state of those new settlers who demonstrated uncontrolled aggression was connected with the processes of adaptation. They had to adapt to the local Siberian climatic conditions, threats from the indigenous inhabitants, hard life and frequent problems with material supply. The psychological climate in the community was created by permanent stressful factors of different nature such as social, ethno-political, socio regulatory, natural, etc. The combination of these factors, which influenced the settlers every day, led to frustration, which resulted in spontaneous manifestation of negative attitudes at the individual level.

Conclusions. The main approach to deter the aggressive behavior among settlers in Siberia, which the authorities were to struggle with, was to enforce the laws and norms adopted in Moscow. However, such a factor as remoteness of Siberia affected the practice of law enforcement. Permanent acute shortage of human resources in the region caused certain connivance on the part of the authorities in the field of execution. An awareness of possible aggression impunity led on the one hand to the increasing stress in the community of Siberian colonists. On the other hand, it led to the formation of the mythologized feeling of freedom and significance. Our research focusing on these issues, we have been able to reconstruct the Siberian colonists' outlook on life and their relations with the native population in the context of coexistence.

Keywords: Siberia, XVII century, colonists, Cossacks, service men, anthropology of conflict, social psychology.

References

Bakhrushin S. V. *Nauchnye trudy [Scientific studies]*. Moscow, Soviet Academy of Science Publ., 1959, vol. 4, 214 p. (in Russ.)

Verkhoturские грамоты конца XVI – начала XVII века [*Verkhoturские грамоты of the end XVI – beginning XVII centuries*]. Moscow, Institute of History of Soviet Academy of Science Publ., 1982, 298 p. (in Russ.)

Vershinin E. V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri* [*Voevod administration in Siberia (XVII century)*]. Ekaterinburg, Razvivayushee obuchenie Publ., 1998, 204 p. (in Russ.)

Dopolneniya k aktam istoricheskim [*Additions to historical acts*]. St.-Petersburg, Tipografiya Eduarda Prattsa Publ., 1869, vol. 11, 312 p. (in Russ.)

Istoricheskie akty XVII stoletiya. Materialy dlya istorii Sibiri [*Historical acts of the XVII century. Materials for the Siberian history*]. Tomsk, Tipo-litografia Mihailova i Yakusheva Publ., 1897, vol. 2, 143 p. (in Russ.)

Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [*History of Siberia*]. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1941, vol. 2, 640 p. (in Russ.)

Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka [*Siberian history memorial of the XVIII century*]. St.-Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1882, vol. 1, 551 p. (in Russ.)

Parshin V. P. *Poezdka v Zabaikal'skii krai* [*A trip to Transbaikalia region*]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova Publ., 1844, vol. 1, 246 p. (in Russ.)

Raev D. V. *Kruzhechnye dvory gorodov Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII veka)* [*Taverns of West Siberian towns (the second part of the XVII and beginning XVIII centuries)*]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005. 273 p. (in Russ.)